

Повесть

Далеко Кулику до петрова дня!

Народная поговорка

Всяк Кулик свое болото хвалит

Народная пословица

Кулик не велик,

А все-таки птица!

Философская песня

I

Россия — страна богатая; изобилует водами, лесами и пажитями; в ней есть много золота и серебра, много драгоценных камней, а еще более отставных поручиков.

Я намерен познакомить вас с одним из бесчисленного множества этих поручиков, Макаром Петровичем Медведевым; он служил в кавалерии корнетом года полтора и вышел в отставку поручиком вследствие рассуждения:

"Служба от меня много не выиграет; я тоже не хочу быть фельдмаршалом, да, признаться, и трудно!.. Много есть людей бедных, которые рвутся служить, а у меня порядочное состояние: женюсь себе, уеду в деревню, да и буду жить барином".

Подумал, взял отставку, сел в коляску и уехал.

Приехав на родину, Медведев сшил себе модную венгерку, привел в порядок охотничьи ружья, купил в Ромнах на ярмарке парные дрожки и женился на хорошенькой брюнетке, Анне Андреевне, дочери соседнего помещика.

Теперь Медведев женат, независим, спокоен: живи себе да толстей! Завидная перспектива! Право, завидная!

Не улыбайтесь так зло, мой приятель с пожелтевшею, поношенною физиогномиею; вы ненавидите всех толстяков, потому что сами высохли от злости, как насекомое; вечно бранитесь, клеветеете, сплетничаете, как старая дева; пеняйте на себя, сами виноваты... Из-за чего хлопчете? Согласитесь, что тихая деревенская жизнь чего-нибудь да стоит. Тенистый сад, с своими золотыми, румяными плодами, чистое озеро, по которому так весело гуляет ваша лодка, пруд, обсаженный плакучими ивами, на пруде под вечер робкое стадо диких уток, за прудом звонкие песни поселянок, идущих с поля домой... А поле с душистым сенокосом! А молодая супруга-красавица, не растратившая первых дней жизни в бессонных ночах — однообразных балов, — супруга, приветствующая возврат ваш крепким поцелуем! А этот свежий, чистый поцелуй!.. Ай-ай! Сколько тут поэзии, сколько... Нет, полно, лучше замолчать.

Вы теперь знаете отставного поручика Медведева, знаете, что он женат — кажется, и все тут. Позвольте, еще есть одно замечательное лицо — это Петрушка, слуга Макара Петровича, его крестьянин и вместе с тем крестный сын. Макар Петрович почти рос вместе с Петрушкою, и когда уезжал в полк, то уговорил покойного своего отца отдать Петрушку в уездное училище. Барин служил, крестьянин учился. Макар Петрович, приехав домой, нашел Петрушку красивым 18-летним парнем, да еще грамотным и проворным; он взял его к себе, любил, как сына, и даже немного баловал, как говорили соседи, позволяя читать все книги из своей деревенской библиотеки.

II

Чацкий:.....!

Молчалин: Мне завещал отец...

Горе от ума

Медведев в начале ноября, часу в седьмом вечера, с своею супругою пил чай; они сидели на диване перед круглым столом, на котором кипел светлый бронзовый самовар и в тяжелых старинных подсвечниках горели две свечи; у двери стоял с подносом в руках Петрушка; на ковре, у ног Макара Петровича, сидел Трезор — большая лягавая собака.

В комнате было тихо. Изредка раздавалось протяжное: "ти-бо! ти-бо!", потом скорое: "пиль!", потом несколько секунд было слышно, как Трезор ел сухарь, и опять все умолкало. Анна Андреевна, от нечего делать, очень прилежно ловила ложечкою в чашке чайный листочек; Макар Петрович затягивался и потом как-то особенным образом перепускал через усы табачный дым.

Супруги, с позволения сказать, скучали — не то чтобы они наскучили друг другу. Боже сохрани! нет, нет: а только просто скучали. Осенний дождь стучал однообразно в окна, самовар шептал какую-то усыпительную легенду; свечи горели тускло... В такие минуты в деревне особенно приятно зевается. Тогда гость — дорогой человек, неоцененный подарок, благодеяние судьбы.

В гостиной Макара Петровича тишина продолжалась по-прежнему. Вдруг Трезор тревожно поднял голову, вытянул шею, заворчал и бросился в переднюю с громким лаем.

— Назад, назад, Трезор! Тибо! Тибо!— закричал Медведев.— Кто там, Петрушка?

— Не беспокойтесь, это я!— сказал, улыбаясь, тоненький гость, в синем фраке, и начал вежливо раскланиваться.

— Ба, ба! Юлиан Астафьевич! Мое почтение! Откудова, братец, а?

— Мое почтение, Макар Петрович! Из П-вы, прямо из канцелярии губернатора, послан курьером в П...

— Здоровы ли вы?

— Слава богу! Слава богу!

— Очень рад! Слава богу!

— Мое почтение вам, Анна Андреевна. Здоровы ли вы?

— Слава богу!

— И слава богу!

— Полно вам строить комплименты! Эти губернские господа так и засыпят речами!.. Лучше давай-ка, жена, поскорее чаю... он озяб с дороги.

— Ваша правда, грешный человек. Ба! да как Петрушка вырос, поздоровел! Ну, подойди сюда, поцелуемся; мы с тобой приятели. Экой молодец! В прошедшем году, когда приезжал с вами на выборы, он был гораздо моложе... А! Трезор! Не узнал меня? Злая собака! Только одного барина и любит. Позвольте ему дать сухарик?

— Перестаньте возиться с собакою, вы ее вечно балуете! Пейте чай, да расскажите нам, как там у вас в губернском свете — что новенького?

— Решительно ничего. Войны не слыхать, набора тоже.

— Набора тоже?

— Тоже!..

— Это хорошо. А Катерина Федоровна что?

— Слава богу! Здорова; велела вам кланяться. У нее для дочери есть жених на примете... Что вы говорите, сударыня?

— Военный?

— Да, военный, сударыня, и, говорят, очень богат; где-то в Олонецкой губернии свои виноградники...

— Скажите! Какая завидная партия!

— Да, и еще, говорят, у него есть где-то возле Торжка свой судоходный канал; что прошла лодка — гривна в кармане; барка или там что другое — двадцать копеек. Такое заведение!..

— Неужели?!

— Да, сударыня! И наш советник Горох Дорохович, и Ульяна Ульяновна... и... все говорят; а сам такой молодец, эполеты как жар горят...

— И в чинах?— спросил Макар Петрович.

— Чин офицерский, уже восьмой месяц прапорщиком.

— Ну, так послужить бы еще немного.

— Говорят, ему в этом году приходится в подпоручики.

— Понимаю, через год в отставку поручиком — это другое дело... Ну, да пусть себе он убирается к болотному дедушке, наше дело сторона. А сама-то Катерина Федоровна?

— Ничего, живет по-прежнему; недавно купила у барышника для себя серого рысака.

— А Петр Потапыч?— спросила Анна Андреевна.

— Все танцует мазурку.

— Охота же спрашивать об этом чурбане!— перебил Медведев.— Что наш почтеннейший Туз Иванович?

— На прошедшей неделе схоронили.

— Схоронили?!

— Да, схоронили; впрочем, потешил-таки он весь город. Представьте себе, в духовном завещании запретил своей жене покупать карету.

— Как так?

— Так написал просто: "Как-де моя жена происходит из хвастливого рода, да и в продолжение многолетнего супружества нашего всегда оказывала невероятную склонность к суетности и тщеславию, что неоднократно выражалось нелепыми требованиями о покупке кареты,

то я, сохраняя пользу детей наших и не желая видеть их со временем нищенствующими, запрещаю, под опасением моего проклятия, жене моей покупку кареты не только новой, но даже и поезженной, как вещи, могущей служить поводом к разорению моего семейства".

— Ха-ха-ха! Экой пострел! Царство ему небесное! Утешил!

— Что же бедная его вдовушка?— спросила Анна Андреевна.

— Тут нечего спрашивать, душа моя: верно, ругается.

— Изволили отгадать: сильно ругается, ругает покойника и дома, и в гостях, и на улице. Такая стала сердитая; нет давно сделала большой афронт жениху дочери Катерины Федоровны.

— Оставьте его в покое: смерть не люблю прапорщиков, которые сватаются, лучше бы вы сами женились.

— Это единственная цель моей жизни. Я рад жениться, но, вы знаете, я человек небогатый...

— А если бы я тебе, приятель, нашел невесту с состоянием?

— Полноте шутить!

— Нет, право. Помнишь ли ты полковницу Фернамбук, которая целое лето прожила с дочерью в губернском городе?..

— Как же, я ее имел честь часто видеть у Катерины Федоровны, еще у нее дочка — сущий амур или грация!

— Ни амур, ни грация, а так, девушка недурная, с 300 душ приданого. Эта самая дама без души от тебя. Как приехала в деревню,

все твердила: "Вот человек, Юлиан Астафьевич! Какой вежливый, услужливый, толковый!.." Влюблена в тебя, да и баста!..

— Шутите! Она, кажется, уже степенных лет.

— Экой приказный! Ей лет за шестьдесят; женись на ее дочке...

— Куда там! Такого счастья я и во сне не видывал.

— Что за счастье? Ты молодец, добрый малый, дворянин. Чего этой бабе еще надобно?..

— Она может найти себе зятя офицера.

— Стыдись, братец, разве ты не офицер? Какой на тебе чин?

— Губернский секретарь.

— Черт вас разберет! Переведи, братец, как это будет по-христиански.

— В ранге поручика.

— И прекрасно! Чем ты не жених? Хочешь, я женю тебя?

— Будьте благодетелем! Да нет, меня смех берет; ха-ха-ха! Вот оказия!.. Впрочем, делайте что хотите!

— Ладно! Куда ты едешь курьером?

— В П-в.

— Сколько ты можешь прожить у меня?

— Дня два.

— Вздор! Ты должен прожить неделю.

— Невозможно, Макар Петрович!

— Почему? Какие-нибудь дрянные бумаги нужно отдать кому? Это можно сделать: я пошлю в П-в фореятора Ваську, он их отдаст по адресу, а на другой день привезет ответ. П-в всего от нас 50 верст. Остаешься? Завтра же начну действовать — и не будь я Медведев, если ты не женишься на молодой Фарнамбуковой. Поедешь — пеняй на себя.

— Делать нечего,— сказал Юлиан Астафьевич.

— Люблю за обычай. Давай, приятель, руку! Благодарю, жена: теперь не будем скучать целую неделю в эту скверную погоду. А я, право, женю молодца!..

— Если даст бог вам успех,— сказала Анна Андреевна.— Какой вы будете близкий сосед: деревня Фернамбуковой от нас всего три версты; только через реку.

— Скажите: и сосед, и ваш покорнейший слуга.

— Это уже много; а шутки в сторону, у меня будет к вам просьба,— сказала Анна Андреевна.

— Приказывайте, сударыня.

— Если вы женитесь, прежде всего должны исправить плотину и мост, а то всякий раз, как переезжаю плотину Фернамбуковых, я прощаюсь с белым светом: кажется, так коляска и слетит с плотины или провалится под мост.

— Будьте уверены, что в мире не будет другой подобной плотины: сам пойду работать, лишь бы угодить вам.

— Что за страсть, подумаешь, у этих губернских франтов нести такую чепуху! Полно, брат, мою жену морочить, а я себе выговариваю право стрелять дичь во всех твоих дачах безданно и беспошлинно.

— Помилуйте, Макар Петрович, на что мне эта дичь? Я сам от роду не стрелял из ружья и не знаю, как оно стреляет. Вся дичь — ваша. Мое почтение к вам всегда было непреложно, и если вы поспособите моей карьере такую выгодною женитьбою, то я... и проч... и проч...

В таком роде разговор продолжался до самого ужина.

Четверо суток изволил кутить Макар Петрович на радостях, что поймал губернского гостя, и каждый вечер губернский гость почти сквозь слезы говорил Медведеву:

— Боже мой! Когда же мы будем сватать M-elie Фернамбук?

— Погоди, братец, время впереди,— отвечал Медведев,— не возьмет ее нечистая сила; завтра непременно поедем.

Приходило завтра, и опять та же история.

Наконец, на пятый день Медведев представил своего гостя семейству Фернамбук, а еще через день поехал сам с решительным предложением.

Это был роковой день для Юлиана Астафьевича. Задумчиво ходил бедный губернский секретарь по комнате, по временам щелкая пальцами; лицо его было бледнее обыкновенного; принужденная улыбка на тонких губах его превращалась в какое-то судорожное кривлянье;

иногда он, тяжело вздыхая, обращал глаза к образам, иногда, подойдя к окну, очень правильно барабанил по стеклу модную песенку:

Во всей деревне Катенька

Красавицей слыла.

Он очень хорошо чувствовал, что в эти минуты решалась судьба всей его будущности; от "да" или "нет" зависело, быть ему достаточным человеком или прозябать в канцелярии, с перспективою седых волос, при великом счастье секретарского места и чахотки.

Напрасно Анна Андреевна старалась развеселить Чурбинского (это была фамилия Юлиана Астафьевича) своими шутками: он, против обыкновения, не понимал их, не старался предупредить окончание какого-нибудь анекдота, давно известного всей губернии, улыбкой удивления или громким хохотом. Юлиан Астафьевич был не похож на самого себя.

Пришло время обедать — нет Макара Петровича; вот вечереет — нет его; вот уже и самовар на столе — все его нет. Несносный день, несносный человек Макар Петрович!

Но вот зазвенел колокольчик, борзая тройка остановилась перед крыльцом, и в комнату вошел Медведев.

С первого взгляда можно было заметить, что Фернамбуковы его приняли за гостя: лицо Макара Петровича горело румянцем удовольствия, глаза блестели; он живо переступал с ноги на ногу, потирая руки.

— Ну, что, почтеннейший Макар Петрович? Решайте мою участь! Отказ? Гарбуз? Говорите, говорите, я наперед это знаю!

— В чистую, братец, без мундира и пенсионна!

— Так, так, я это знал. Душа моя это предчувствовала. На смех подняли!.. И не грех ли вам меня, беззащитного сироту, вводить в такие истории, будто я не понимаю, что я, а что они? Бог свидетель, я никогда и не думал о Фернамбуковых; вы сами затеяли неподобающее; вам смех, а я что теперь стану делать? Еще под арест посадят!..

— Что, приятель, впятил тебя в брак, а?

— Хорошо вам издеваться, что меня забраковали, как лошадь никуда не годную, а мне каково?..

— Ха-ха-ха! У тебя страх и разум-то выгнал! Кто тебе говорит о негодности? Ха-ха-ха! Запиши, жена, каламбур: в брак тебя введем, то есть в законное супружество — вот что! Давай руку! Поздравляю! И старуха, и дочь сначала было, знаешь, этак немного закуражились, да как я им объяснил все толком: и ты что за человек, и то, и другое, и прочее — они сдались, и дело в шляпе, как говаривал мой эскадронный командир. Понимаешь?.. Завтра едем к Фернамбуковым вместе; завтра же надо известить соседей, а послезавтра — и под венец. Куй железо, пока горячо!.. Не рад, что ли?

— Понимаю, что значит в брак! Я, кажется, не подал повода к шуткам. Грех вам, Макар Петрович!

— Прямое ты, брат, чучело гороховое! Еще и петушишься! Прошу покорно!.. Коли не хочешь — сейчас еду к невесте и в полчаса все расстрою, заварю такую кашу, что весь дом пойдет вверх дном. Эй! Петрушка, лошадей!..

— Перестаньте, что вы, что вы! Ей-богу, я не знаю, как принимать слова ваши, мне все не верится! Неужели?.. Счастье так велико!..

— Так велико, что я остался есть обед с деревянным маслом — господи, прости мое согрешение!— и выпил лишнюю рюмку гадкой наливки. Уговор лучше денег: сейчас после свадьбы прошу запретить во всем доме употребление деревянного масла и улучшить питейную часть...

— Как прикажете! Что угодно! Вы благодетель мой, второй отец!..

Юлиан Астафьевич обнимал Медведева, целовал руки Анны Андреевны и даже, второпях, толкнув нечаянно Трезора, взял его за морду и пренежно сказал: "Извини, душа моя!.. "

Макар Петрович, человек добрый от природы, был очень рад счастью знакомого, тем более что эта свадьба доставляла ему развлечение в скучные осенние дни, когда, как нарочно, ненастье препятствовало ездить на охоту. Он хлопотал об экипажах, о лошадях, созвал своих музыкантов и приказал им повторять увертюры из "Калифа багдадского" и "Двух слепцов".

— Слушай, жена,— кричал он,— ведь Юлиан Астафьич наш гость, мы его женим; после свадьбы будет у нас бал; смотри, не ударь лицом в грязь, прикажи наготовить поболее всякой всячины: пирамид, кремов и разной этакой дряни, а я уж потревожу свой погреб — кутить так кутить!.. О чем ты, Юлиан Астафьич, опять загрустил?

— Знаете ли что?— сказал Юлиан Астафьевич, взяв тихонько Медведева за полу венгерки, и, отведя его к окну, повторил вполголоса: — Знаете ли что?

— Ровно, братец, ничего не знаю.

— Не кричите так. Мне кажется, что нам не следует венчаться так скоро.

— А почему?

— Да так, видите, мне невозможно.

— Это что значит?— сказал Медведев, прищуривая левый глаз.—
Понимаю, какие-нибудь шашни.

— Нет, нет, нет, боже сохрани! Не думайте, чтоб я что-нибудь такое
или этакое — нет!

— Так что ж?

— А вот, видите, я выехал из П-вы налегке, со мной нет приличного
платья.

— Вздор, братец! Есть о чем думать! Сегодня же пошлю человека на
всю ночь, и завтра к вечеру все здесь будет.

— К чему посылать? Это лишнее беспокойство, лучше я сам съезжу и
через неделю-другую явлюсь.

— Пустое, тебя-то не пущу! Эй, кто там? Человек!

— Не делайте шуму и не посылайте, потому что я не знаю
хорошенько, отдал ли мой приятель немного переделать мой фрак;
сукно отличное, сам платил по 18 р. за аршин, да фасон некрасив; если
привезут не переделанный, то еще хуже!..

— Прямо сказать: у тебя нет фрака вовсе; давно бы так и говорил!
Не беспокойся: у меня целая дюжина этих дурацких фраков, выбирай
любой. Да, кажется, у тебя нет ни белья, ни прочего? Полно краснеть,
прикажи Петрушке приготовить, что нужно, из моего гардероба. Не к
чему скромничать! Эх, странный народ, эти господа статские!..

Милостивый государь, любезнейший друг,

Кузьма Демьянович!

По обстоятельствам, я женился на прекраснейшей девице, известной фамилии Фернамбук. Еще в П-ве я пленил сию девицу своим обращением и теперь, мимоездом, окончил начатое, а что главнее всего, получил в приданое 300 душ крестьян. Я теперь намерен жить, нимало не беспокоясь насчет службы, буду служить по выборам дворянства. Еще есть к вам моя просьба, а именно: вам известно, что я взял, в угодность Катерине Федоровне, билет в собрание на всю зиму и со взносом 25 р. записался в члены; а как я теперь, по дальности расстояния, бывать в собрании не могу, то вспомнил о Григории Михайловиче, который когда-то, кажется, при вас выразился: "Я взял бы зимний билет, да дорог, анафемский; по-нашему, если бы рубликов 15 — куда бы ни шло!" Я, любя Григория Михайловича, решился уступить ему оный билет за 15 р., хотя и понесу убытку 10 р. И еще сделайте одолжение: у меня на квартире остался горшок коровьего масла, подаренный мне Катериною Федоровною; масло очень хорошее, доброго качества и приятного вкуса; его было десять фунтов, мною израсходовано оно 2 фунта, следственно, осталось 8; без меня же оно убыть не могло, ибо, уезжая, я запечатал горшок собственною моею вензелевою печатью, а потому возьмите на себя труд, посмотрев предварительно, не нарушена ли печать, взять горшок и приказать вашему Петьке продать заключающееся в нем масло; еще раз повторяю, что масло очень хорошее, чтобы Петька, при продаже, не опростоволосился. Не верьте, паче чаяния, хозяин квартиры моей станет претендовать на масло: он всегда был грубиян. Скажите ему, в случае надобности, что, если б он был почтительнее и не входил ко мне в комнату в колпаке, то я и ему уделил бы что-нибудь из означенного масла. Надеюсь, вы не замедлите выслать деньги за билет, равно и за масло, а прочие мои вещи, как-то: старый фрак, сапожные щетки, две

пары ножей с костяными колодочками и проч. сохраните у себя до моего приезда: хочу по зимнему пути побывать в П-ве с женою.

Имею честь быть вашим, милостивый государь, благо-приятелем.

Юлиан Чурбинский

18...7 года, ноября 12 дня.

Деревня Фернамбуковка

P.S. На случай сие письмо затеряется, то я сию же почту пишу и отсылаю другое, точно такого же содержания, к Марку Титовичу, в коем, упоминая о вышепрописанном вам поручении, прошу и его принять участие, в случае вашей (чего боже сохрани!) болезни или чего другого. Еще просьба: еще с прошедшего лета я обещал Аннушке,— знаете, которая мне мыла манишки,— купить золотые сережки. Делать нечего. Из полученных денег за мои вещи возьмите 80 копеек ассигнациями и купите ей сережки из металла, называемого семилер; этот металл немного дешевле золота, но в носке приятнее и имеет разительный блеск. Я полагаю, последняя порученность вам не без приятности.

IV

Милая моя сестрица,

Анисья Парамоновна!

Наказал меня бог, сестрица, наследством в глупой стороне: ни сосен, ни елок, ни людей нету — все чучелы; крестьяне без бород, и бань не строят, и в семик не пляшут, и сохой не пашут. Один, кажись, был человек из соседей — Медведев, да и тот, как я узнала — змея подкодная. Я писала к тебе, милая, что выдала дочку за Чурбинского: золотой малый, ни в чем не перечит, так нас любит, мне и платок подает,

и скамеечку под ноги ставит, да в дела не мешается, говорит: "Имение ваше, и я ваш; делайте что хотите". А мы с дочкой что знаем? Наше дело женское; вот мы и хотим ему записать нашу деревню, авось охотнее делом займется. Только зять мой все упрасивает: "Не говорите, дескать, об этом Медведеву".— "А что?" — я спросила. Вот он тут мне всю правду и рассказал: что он совсем не приятель нашему дому, что насмехается над нашим хлебом-солью, говорит, что у нас в кушаньях скверное деревянное масло... Ужаси такие наговорил, что беда! Меня вот так лихорадка взяла, а он говорит: "Сватал меня из своих интересов; и плотину почини, чтоб его жене было хорошо ездить, и то, и другое; да еще обращается со мною, как с каким-нибудь лакеем, все "ты", да "братец", при публике так унижает". Третьего дня обедал у нас окаянный Медведев; я сама нарочно подлила во все кушанья деревянного масла. Что ж? И не ел ничего, надул усы, словно сом-рыба, и сидит. "Что не кушаете, сосед?— я спросила.— Может статься, у нас не умеют готовить?" — "Нет,— говорит он,— что-то голова болит", да и уехал сейчас после обеда. Вот что, моя милая сестрица, а я только и надеялась на одного соседа, а и тот в лес смотрит!.. Я уже советовала своему зятю не позволять наступать себе на ногу. Да, моя милая! Скверная сторона! Скоро петров день, клубника у нас отошла, а была крупная; черешен в саду пропасть, и белых, и красных, и черных, да все скверные ягоды, как сахар сладкие; и вишни поспевают, и шелковицы, а нет ни клюквы, ни брусники, ни черники, ни голубики, ни одной ягоды с кваском, я уже о морошке и не вспоминаю... Сахар у нас дорог, а мед свой; варю варенье больше медовое для поста. Прощай, моя милая сестрица; пришли записку, как делать шипучку, моя где-то затерялась. Прощай, милая сестрица.

Полковница Ф. Фернамбук.

18... года, июня 26 дня.

Деревня Фернамбуковка

Светлое июльское солнце взошло уже высоко; был час десятый утра; широкий скошенный луг Юлиана Астафьевича далеко развернулся светло-зеленою скатертью, испещренною частыми копнами сена, на которых то там, то сям сидели, охорашиваясь, маленькие степные ястреба; на горизонте луга, как оазы, виднелись темно-зеленые кусты тростника: там были небольшие озера; над ними, легким облачком, беспрестанно меняя формы, носилось стадо скворцов, подле озер паслась стреноженная пегая лошадь; с полверсты в сторону человек около сотни крестьян сметывали копны сена в одну огромную скирду.

По дороге к озерам ехал какой-то вооруженный экипаж, вроде блаженной памяти испанской армады; рассмотрев хорошенько, можно было узнать в нем широкую, длинную и глубокую брику без верха; на козлах сидели кучер и два человека с ружьями в руках; на запятках тоже два человека с ружьями; из самой внутренности брики торчало пять или шесть голов в картузах, столько же ружейных стволов и четыре собачьи морды. Брика остановилась у озера; из нее выскочил человек в сапогах до пояса, в зеленой куртке и таких же шароварах; через правое плечо у него висела охотничья сумка с сеткою для дичи, через левое, на зеленом шнурке,— деревянная черкесская трубка с коротким чубуком. Едва-едва в этом рыцаре изумрудного образа можно было узнать Макара Петровича. За Макаром Петровичем выскочил Трезор, далее начали выгружаться приятели и егеря Медведева. Всех набралось человек около десятка.

— Рекомендую вам, господа, чудесное озеро,— сказал Медведев.— Здесь мы найдем пропасть молодых уток. Ох! жаль, что бекасы еще не хороши. Впрочем, не давать и им спуску, коли попадутся.

Приятели молча осматривали ружья.

— За работу, что ли?— продолжал Макар Петрович.— Выпьем на дорогу, да и с богом. Петрушка! Дорожную фляжку!

На этот раз приятели оставили ружья и подошли к Медведеву.

Петрушка подал барину плоскую, обшитую красным сафьяном фляжку. Медведев отвинтил на ней серебряную крышку, которая имела форму и вместимость порядочного стаканчика, наполнил этот мудрый сосуд, выпил и передал следующему. Отставной капитан Здрав, с золотою головою, закусил кусочком черного хлеба с солью; другой сосед, русский немец, либен-шнапс, достал на этот случай из своего ягдташа сухую корку голландского сыра, погрыз ее немного и, завернув в бумажку, опять спрятал в карман. Прочие кушали что попало под руку.

Перекусив, охотники осмотрели ружья, подсыпали на полки свежего пороху, выстроились в ряд и мерными шагами вступили в болото; собаки шныряли впереди охотников; несколько пар испуганных уток поднялись с озера и, сопровождаемые выстрелами, сновали над озером. А между тем, оставив работу, с диким криком и воплями бежала к озеру толпа полупьяных мужиков, вооруженных граблями и вилами. В минуту озеро было окружено.

— Стой,— кричали мужики,— отнимай ружья, представляй в суд — так приказано!

Стрельба остановилась.

— Что вам надобно?— закричал Медведев.

Крестьяне Чурбинского, как ни были пьяны, однако узнали Медведева, и уважение, которое народ искони питает к коренным панским фамилиям, в минуту пробудилось. Сняв шапки, стояла толпа, а приказчик Потапович, в синем кафтане, подпоясанный пестрым кушаком, подошел к Медведеву, разгладил длинные усы и, низко кланяясь, сказал:

— Извините, пане, мы вас не узнали; но все-таки, видите, стрелять невозможно... Я в этом не причиною.

— А какой же дьявол?

— Оно, разумеется, вы люди ученые и знаете, что дьявол, когда восхощет, принимает образ человека, ибо хитра сила нечистая, но все-таки это не бесплотный дьявол, а наш многопочитаемый барин причиною.

— Убирайся с твоею чепухою, не мешай нам охотиться!

— Да что вам в этом болоте? Такое гадкое, только лягушки водятся... Лучше бы поехали вот версты за три на болото генеральши Оглоблиной. Господи, твоя воля, чего там нет!.. Что шаг, то местоположение, всякая дичь кишмя кишит.

— Полно врать. Нам и здесь хорошо. Вперед, ребята!

— Нет, ей-богу, нет, пане! Я буду в ответе. Не моя вина, а стрелять все-таки нельзя, не приказано. Говорит барин: "Пусть птица плодится; может быть, я когда-нибудь возьму ружье, попрошу кого знающего зарядить, да и поеду стрелять на озеро; к тому времени дичь освоится, и заряд не пропадет даром; сразу убью пар десяток",— говорит.

— Кого другого не пускай, а мне, верно, не станет запрещать твой барин.

— Будь кто другой, а не ваша милость, мы бы его давно спровадили в город, так приказано. Говорит: "Лови, Потапович, всех моею рукою, да и в суд, да и в суд, хотя бы мой родитель, говорит, пришел, и того в суд; не его земля, моя земля!"

— Что он, с ума сошел?

— Уповательно это их воля, и я об этом прямо сказать не могу; а если хотите, я пошлю хлопца справиться: верно, барин вам позволит.

Болото было в верстах в двух от дома Чурбинского, а потому охотники тут же, в болоте, присели на кочках, в ожидании, пока сын приказчика, проворный мальчик, поскакавший во весь дух на отцовской лошади к барину, привезет милостивый фирман.

Через четверть часа обратно прискакал мальчик, слез с лошади и, утирая рукавом с лица пот и пыль, крестился и кричал:

— Не можно, не можно, пусть я пропаду, если можно.

— Врешь! Ты, верно, не расслышал,— сказал Медведев.

— Как бы то не расслышал? Я приезжаю, а барин стоят в красном халате у амбара, где девки подтачивают пшеницу, и такие веселенькие; вот я и говорю им: "Как зволите прикажете, у нас стреляют на болоте птицу".— "Зачем же ты приехал?— говорят они.— Ловите их, бездельников, дармоедов, да и в суд". Я им поклонился да и говорю: "Такой человек, что и ловить нельзя, настоящий пан".— "Губернатор, что ли?" — "Не знаю, может, их и так дразнят, а мы все зовем их Медведевым".— "Дурак!— сказал барин, топнув ногою.— Я такой же пан, как и Медведев, когда не почище его. Скажи, чтобы сейчас убирался вон из болота. А твой отец за чем смотрит? Вот я его, старого осла!"

— Так-таки, так! Я так и думал,— ворчал Потапович.

— И только?— спросил Медведев.

— Нет, еще оборотились к Феске, дочери нашего кузнеца, взяли ее за подбородок да и говорят: "Отчего ты так покраснелась, Феодосия?" Я вижу, что это уже не ко мне, взял да и уехал.

Макар Петрович с досады кусал ус.

— Как изволите,— заметил ему, кланяясь, приказчик,— а не угодно ли вам убираться; не моя воля; невинен гвоздь, что лезет в стену, коли его колотят по голове обухом.

Молча вышли из болота Медведев и его спутники. Мужики значительно переглядывались между собою, не веря сами: как это можно Медведева выгнать из болота?..

По моему мнению, кулик самая бесхарактерная птица; иногда он увидит человека за версту, подымается с места, кружит над болотом, кричит, свистит, будит всю окрестность; иногда запустит в болотную тину свой нос и сидит себе в траве преспокойно, разве толкнешь его под бок, тогда только он схватится, зачистит крыльями, завопит, как... ну, как человек, когда затронут его самолюбие.

Петрушка выходил из болота, и вдруг из-под его ног выпорхнул кулик и с жалобным криком понесся в степь; Петрушка выстрелил — и бедная птица, закружась в воздухе, упала перед приказчиком.

— Не дурачиться!— закричал Медведев и подошел к толпе мужиков. В это время приказчик поднял застреленного кулика и, рассматривая его, ворчал: "Экое страдание!.."

— Делать нечего, ребята, скажите вашему пану, что так делать нехорошо; он жалеет для меня перелетной птицы, а я не пожалел ему дать к венцу и свое платье и... может, слышали!

— Мы сами небезызвестны об этом,— заговорили мужики; но Потапович погрозил пальцем — и все притихло.

— Прощайте, ребята. Вот вам рубль серебра: выпейте по чарке водки; теперь жарко.

— А ваш куличок?— сказал приказчик, подавая Петрушке застреленную птицу.

— Отвезите его, дядюшка, своему барину, пусть он им подавится.

Охотники уехали, мужики ушли, скворцы улетели, и возле озера опять только осталась стреноженная пегая кобыла...

VI

Месяца за два до женитьбы Чурбинского Медведев с женою были в гостях у Фернамбуковых. В гостиной старуха Фернамбук рассказывала о вчерашнем висте, как она с управителем сделала шлем, а играли четверо: она, ее дочь, управитель и ее сосед, отставной юнкер; как у нее на руках был валет и т. п. Бог с нею, она всегда рассказывает скучные вещи. Молодая Фернамбук показывала Анне Андреевне баночку духов с надписью: "Extrait triple la violette", [1] ⁵⁸привезенную будто бы из Парижа, нюхала пробку и, подымая глаза к небу, восторженно шептала: "Ах, какое благовоние! Ах, как, должно быть, хорошо в Париже!" Медведев делал по временам странные ужимки, пересиливая зевоту, и поглядывал на жену, как бы спрашивая: не пора ли домой?

В передней было веселее. Петрушка, сидя на длинной зеленой скамейке, толковал Фильке, лакею в тиковой куртке, как цветут орехи и отчего на орехах бывает цвет двух родов.

— Э, Петрушка, надуваешь!— протяжно говорил Филька, нюхая табак из тавлинки.

— Придет весна — посмотри сам.

— Разве посмотрю, а так не поверю, и ты не верь книгам: там, я думаю, все написано такое!..— Филька махнул рукою.

— Им нельзя иначе цвести.

— Так, конечно, орехи, не бойсь, у тебя спрашивают?

— Не спрашивают; а это оттого...

— Хе-хе-хе! от чего?

— Оттого... послушай, Филька, что это за барышня перешла через комнату?

— Вот тебе и грамотный! знает, отчего орехи цветут на двое, коли-то еще цветут, а нашего брата называют барышнею! Это, брат, Машка, горничная нашей барышни.

— Полно, Филька! кто она?

— Я не грамотей, надувать не умею, сказал раз, и правда, не диво, что ты ее первый раз видишь: она шесть лет училась около моря в Аддестах у мамзели убирать головы, знаешь, разными цацками; вот как наша барышня на поре замуж, так и выписали Машку для уборов: вот уже другая неделя, как она приехала, да какая, брат, бойкая, и книги читает по-твоему, и день в день ситцевое платье носит, а на нашего брата и смотреть не хочет; на что приказчик Потапыч — человек и почетный и грамотный, третьего дня подошел к ней и начал заигрывать — она хватить его по рукам. "У вас,— говорит,— седина в голове, а не умеете обращаться с девушками", засмеялась ему под нос и убежала. "Тю-тю,— сказал Потапыч,— для нее судовой паньч растет! Бросьте ее, хлопцы, вишь какая бучная!.." А мы так и покатались по земле от смеха. Вот что, ей-богу!.. Этакая! А сама не больше, как дочь нашего коновала Ивана. О чем ты задумался?

— Ничего, так; а какая хорошенькая эта Маша!

— Да, нечистый ее не взял; сухопара немного.

Маша была очень хороша: ей было 17 лет. Высокий, стройный рост давал ей какую-то особенную величавость; черные волосы украшены алою махровою маковкою; смуглое лицо, оттененное легким румянцем,— признак чистой украинской крови. Длинные, пушистые ресницы, большие голубые глаза, легкая походка, даже самый покрой платья, отличный от здешнего,— все очаровывало Петрушку... При первом взгляде на Машу он затрепетал от удовольствия; какое-то тревожное и вместе приятное чувство запало в грудь его.

Люди много толкуют о сочувствии душ; я мало верю людям, но в этом случае вполнину соглашаюсь.

Когда Петрушка и Филька разговаривали, дюжая дворовая девка внесла в переднюю коробку яблок. Минуты через две вышла Маша, подошла к коробке и, не смотря ни на кого, сказала:

— Снеси, Дунька, эти яблоки в девичью, барыня приказала сосчитать их.

— А позвольте узнать, какие это яблоки, кислые или сладкие?— спросил Петрушка, подойдя к коробке, да и покраснел, сам не зная чего.

— Не знаю,— отвечала Маша, посмотрела на Петрушку и сама покраснела еще более Петрушки, взяла из коробки яблоко и начала вертеть его в руках.

— Его можно попробовать,— сказал Петрушка,— вот прекрасный ножик.

Петрушка вынул из кармана складной охотничий нож своего барина и подал его Маше.

Маша разрежала яблоко и отдала половину его, вместе с ножом, Петрушке.

— А какой это удивительный нож!— заметил Петрушка.— Это у нас, в России, в Туле такие великие мастера.

— Да,— отвечала Маша.

— Вот, видите, точно немецкий складной, и как умно все придумано: один большой нож — видите?— один маленький, вот пробцер, огниво, гвоздь — чистить трубку, и ухвертка.— Говоря это, Петрушка раскрывал нож и показывал каждую штуку особенно.

— Спрячь-ка, приятель, свой нож,— сказал Филька,— а вы с яблоками проваливайте: застанет старая барыня, что вы едите фрукты, надает вам тумаков и мне, как свидетелю, достанется. Слышь? Идут?

Девушки ушли в боковую дверь; в переднюю вошел Медведев и приказал подавать лошадей.

Так началось знакомство Петрушки с Машею, а если хотите — и любовь их.

С этих пор всякий раз, когда приезжал Медведев к Фернамбуковым, Маша всегда находила какой-нибудь предлог прийти в переднюю. Петрушка, с своей стороны, всегда имел что-нибудь любопытное передать Маше; мало-помалу, они до того познакомились, что Петрушка начал привозить Маше из господской библиотеки романы: "Природа и любовь" Лафонтена, "Алексис, или Домик в лесу" Дюкре-Дюминилля и другие, подобные.

Заметили ли вы, господа, что, пируя на свадьбе, холостые люди и девушки бывают как-то особенно настроены. Они откровеннее, мечтательнее, решительнее, разговорчивее, доверчивее... Право! Музыка ли располагает к этому человеческие сердца, или веселые, счастливые лица новобрачных, или яркое освещение — не знаю, но уверяю вас, что мое замечание справедливо.

На свадьбе у Чурбинского пир приходил к концу. Музыка играла мазурку. Юлиан Астафьевич танцевал в первой паре с своею супругою, далее Макар Петрович с Еленою Павловною, еще Василий Александрович с Александрою Ивановною и еще много, много пар. Можете представить, как было весело!

Лакеи и горничные приехавших господ столпились у дверей залы и с изумлением смотрели, как уездный учитель математики, приглашенный на свадьбу ради великого искусства и знания танцевального дела, изогнув данную ему богом обыкновенную человеческую фигуру в иноземную букву S, отчаянно носился по зале из угла в угол; правою рукою поддерживал он за кончики пальцев огромную даму, а в левой держал за уголок белый носовой платок, который, как флюгер, шумел, кружился, плясал в воздухе и летел за своим господином, точно хвост за кометою. Зрелище диковинное и не для одних лакеев.

Маши не было в толпе любопытных зрителей. Петрушка и прежде видел эти танцы, потому он и не тискался вперед; закинул за спину руки и стал почти у самой двери, ведущей в сени. Вдруг ему послышалось, будто за ним отворяется дверь; он взглянул — нет никого; через минуту кто-то дернул его сзади за сюртук: оглянулся — опять никого; немного погодя чья-то нежная ручка робко пожала его руку. В секунду Петрушка был за дверью, в больших темных сенях — ему навстречу какая-то женщина бросилась на него и обвила жаркими руками.

— Это ты, Маша?

— Я, Петруша!

— Я не верю сам себе — это ты, моя ненаглядная! Что с тобою? Ты плачешь?

— Грустно мне, Петруша: они пляшут, веселятся, а мне грустно, грустно... так и хочется заплакать... да все хочется говорить с тобою: кажется, все и отляжет от сердца от твоих речей. Как я люблю тебя, Петруша! Смейся надо мною, а я давно хотела тебе сказать это...

Петруша отвечал длинным поцелуем.

— Ах, Петруша, как ты хорош! Я сегодня все на тебя смотрела, пока начали надо мною смеяться. Дунька такая злая! "Посмотрите,— говорит, — Марья Ивановна и на панов не смотрит, как в танцах прохлаждаются, да все на Петрушку, и глаз с него не спустит". А я себе думаю: Петрушка стоит того, и нарочно хотела на тебя поглядеть, да так стало совестно; ушла в девичью и оттуда в щелку все на тебя смотрела. Ты лучше всех!

— Я давно люблю тебя, да сказать боялся: ты такая быстрая, кажется, сразу на смех и подымешь.

— Грех тебе говорить это, Петруша, не бойся меня, что я быстрая! Сова тиха, да птиц душит, а ласточка целый день летает да щебечет, только хвалит бога, зла никому не делает. Скажи мне еще раз, что ты меня любишь, мне так весело слушать... от радости, кажется, не доживу до утра.

— Люблю, люблю, моя радость!.. а я все не верил, что ты меня любишь, хоть Филька и божился...— Вздумаю было тебе сказать так что-нибудь стороною, да вспомню, как ты насмеялась над приказчиком, и язык онемееет.

— Бог с тобою! То приказчик, седой дурень, а то ты — мой ясочка, с тобой и жить и умереть готова...

— Послушай, завтра же, если хочешь, я скажу своему барину, нас перевенчают — и будем жить счастливо.

— Делай как знаешь, мой голубь сизый.

Тут музыка перестала играть; в сенях раздался звонкий поцелуй. Маша выбежала из сеней в сад, а Петрушка тихо вошел в переднюю.

Дня через два Петрушка сказал Маше, что Макар Петрович не соглашается теперь его сватать: скажут, дескать, что нарочно женил Чурбинского, чтобы через него отнять у Фернамбуковых ученую девушку; а ты, говорит, молод, и она молода, потерпите до осени — это менее года; тогда я сам буду сватом; если не согласятся господа ее выдать, я им заплачу, что они захотят.

— Как не согласятся!— отвечала Маша.— Ведь ты сам говорил, что у Чурбинского ни кола, ни двора, а твой барин женил его на такой богатой невесте; да и на что я им? Нет, не станут противиться, будем ждать да молиться богу.

— Будем,— отвечал Петрушка.— А не скоро придет эта осень!.. Зима, весна, лето... а там уже осень!

VIII

Я очень люблю начало осени, особливо на Украине. Томительный жар лета сменяется прохладой; природа наградила труды людей своими дарами: везде довольство, везде веселые лица. Едешь полем: и направо, и налево от дороги длинным строем вытягиваются копны хлеба; в стороне где-нибудь краснеет запоздалая нива гречихи; тяжелые, черные грозди ее, как виноград, клонятся к земле на ветвистых, пурпурных

стеблях... Вечереет. Крикливые стада журавлей пируют на полях, вереницы уток шумят над головою... Перед вами вьется в чистом воздухе легкий дымок. Вы подъезжаете к куреню баштанника (так у нас называют стариков, которые смотрят над бахчею); старичок разложил огонь перед своим шалашом и варит к ужину кашу. Пламя с треском обхватывает ветви степного ракитника, голубоватый дым тонкою струйкою вьется кверху и исчезает в воздухе; против старика сидит его внук, ребенок лет десяти; он разбил арбуз, чуть не в себя ростом, рвет руками его сочное, алое, сахаристое мясо, ест и хохочет от удовольствия; за шалашом лежит косматая серая собака и весьма пристально рассматривает летающего вечернего жука; далее куча арбузов и дынь... И эта тихая картина облита ярким золотом заходящего солнца. По дороге вы обгоняете возы, нагруженные тяжелыми снопами; в деревне из-за хат выглядывают золотые стоги, как залог благоденствия многих людей; в садах целые семейства собирают яблоки, груши и бергамоты; на вас веет благоухание душистых плодов; вы слышите в саду хохот и песни девушек... хороша, богата природа! Невольно снимешь шапку и от души перекрестишься! Стоит ли человек прекрасных даров божьих?

Кроме того, осень — время свадеб; поселяне, кончив уборку хлеба, хотят отдохнуть, повеселиться. А где же лучше попить, как не на свадьбе? Старосты, перевязанные через плечо поясами, начинают ходить по улицам. Не одна пара черных девичьих глаз высматривает их, жданных гостей; не одна роскошная, полная грудь дрожит от страха и сомнения: "любый" или "нелюб" шлет к ней сватов?..

Август приближался к концу. В селении Медведева из улицы в улицу ходили толпы свадебных гостей, с музыкою, с песнями, с красными знаменами...

Петрушка загрустил... От рокового дня охоты на озерах Чурбинского он раза два видел Машу в церкви; но Маша так печально говорила ему: "Чует мое сердце, что не бывать нам счастливыми — наш барин готов съесть вашего барина, не отдаст он меня за тебя". Петрушка утешал ее,

как мог, но в душе и сам чего-то боялся. Он даже боялся напомнить барину об его обещании, грустил, скучал и слег в постель.

Медведев, узнав о причине болезни Петрушки, написал к Чурбинскому письмо, предлагая за Машу тысячу рублей или более, если Юлиан Астафьевич будет согласен, и в ответ получил на лоскутке бумаги четыре слова: "Ничего не хочу, не бывать этому".

Оправился от болезни Петрушка или нет, бог его знает, только он встал с постели, взял ружье и пошел на охоту; подошел к реке и побрел тихими шагами берегом прямо к деревне Чурбинского.

Утреннее солнце светило ярко, стада дичи, подымаясь с реки, кружили над головою Петрушки — он ничего не видел, ничего не слышал. Вот и деревня Чурбинского, вот и роща над рекою; по реке плавают большое стадо своих уток; на берегу, под кустом, сидит босоногая девка в лохмотьях. Петрушка смотрит и не видит — идет далее.

— Петрушка!— закричал кто-то позади его. Бедняк вдруг очнулся, будто тяжелый сон слетел с глаз его. "Кажется, голос Маши",— подумал он и начал осматриваться. Девка в лохмотьях стояла перед ним — это была Маша.

Ружье выпало из рук Петрушки.

— Ты ли это?— прошептал он.

— Я, мой милый, ненаглядный,— отвечала Маша, обнимая его,— а ты и не узнал меня... Неужели платье так переменило меня?.. А я все та же, так же люблю тебя; чем они злее, тем больше я люблю тебя, пусть они... бог с ними... Ты был болен, мой голубчик; я все слышала, а меня и болезнь не берет...— Рыдания заглушили голос Маши.

— Успокойся, моя рыбка... Сядем, да Расскажи мне, что у вас такое делается и отчего ты такая простоволосая?..

— Ох, много я вынесла! Была бы я давно рыбою, бросилась бы в самую быстрину, если б не хотела хоть еще раз увидеть тебя...

Маша обняла Петрушку, склонилась головою к нему на грудь и тихо плакала.

— Бог с тобою, моя горлица, успокойся: все будет хорошо...

Маша покачала головою.

— Садись вот здесь,— продолжал Петрушка,— здесь будет покойнее... Господи! Ты босая!.. Теперь холодна осенняя роса, холоден мокрый речной песок... возьми мою шапку, положи в нее свои ножки, пусть отогреются...

— И вспомнить страшно, как рассердился барин, получа письмо от твоего барина. Это, говорит, насмешка; меня обидели и еще сватают мою девушку за уroda, который публично желал мне подавиться куликом. Кричал, кричал, ругался, а после и говорит: "Да у меня для Марьи есть жених получше этого сорванца, я ее сделаю счастливою, позвать ко мне Машу!" Я пришла ни живая ни мертвая. "Послушай, Маша,— сказал барин,— я давно хочу наградить тебя за службу и составить тебе партию. Потапович, наш приказчик, очень желает на тебе жениться; я, с своей стороны, согласен... Что же ты молчишь?" — "Помилуйте, барин,— сказала я,— у приказчика дети от первой жены старее меня; мне Потапыч годен в отцы, а не в мужья". — "Дура!.. а богатство его разве ничего не значит?" — "Богатство пусть останется при нем, мне ничего не нужно!.." — "Ого-го, сударыня, так вам прикажете выписать жениха из губернского города?.." — "Будьте милостивы,— сказала я и бросилась ему в ноги,— не разлучайте меня с Петрушкою, или за ним, или ни за кем не буду замужем..." Как он

толкнет меня ногою!.. прямо в лицо! как закричит... Я и света невзвидела... "Так и ты заодно с моими врагами! Они и тебя, знать, подкупили на мою обиду. Вот я тебе сам отыщу жениха, а до времени... Гей! Потапович! сейчас с нее долой панское платье да в черную работу". Обрадовался Потапович этому приказанию. "Помните, Марья Ивановна,— сказал он мне,— вы говорили, что я не умею обходиться с девушками — вот увидим. Пока отправляйтесь варить для работников галушки, да поворачивайтесь проворнее! я человек сердитый, знаете, от старости: берегитесь, отеческое наказание у меня в руках", и он, улыбаясь, посмотрел на свою длинную палку. Трое суток варила я галушки, носила воду тяжелыми ведрами, мыла чугунную посуду... От непривычки работа валилась из рук моих, сердитый Потапович за всякую безделицу без милосердия меня наказывал... Вчера я нечаянно опрокинула огромный горшок кипятку и — вот видишь — совсем обварила себе левую руку... Меня все-таки наказали и до выздоровления заставили пасти господских уток...

— Бедная моя Маша!— шептал Петрушка, целуя ее больную руку.

— Еще не все... сегодня... когда я гнала сюда уток, повстречался мне Потапович и говорит: "Я стар, Марья Ивановна, и глуп, и непригож, и не гожусь вам в мужья, а все-таки люблю вас, отыскал вам жениха, и барин приказал завтра вечером перевенчать вас... знаете Фомку-дурачка, что пасет господских свиней; правда, он не пересчитает на руках пальцев, зато человек молодой; готовьтесь к венцу".

— Да он пугал тебя,— сказал Петрушка.

— Ох, нет! Еще вчера барин приказал выстричь и вымыть Фомку и дать ему новую рубашку... Весь двор удивлялся, за что такая милость к этому дураку... А теперь я знаю... я не переживу своего несчастья!..

— Нет, Маша! Нет, быть не может, чтобы эти ясные очи, черные косы, белая грудь, это сердце, такое доброе, которое так меня любит...

чтоб все это досталось неумытому дураку... он — это животное, станет ласкать тебя, станет целовать тебя... нет, Маша, этого быть не может!..

— А будет!..— едва слышно сказала Маша.

Молчание.

— Послушай,— говорила Маша,— ты любишь меня, и я люблю тебя более всего на свете; нам еще можно спастись, нас никто не разлучит... послушай меня...

И, притянув себе на грудь Петрушку, она что-то стала шептать ему.

Петрушка пришел домой веселее, спокойнее; необыкновенная радость блистала в глазах его.

— Тебе лучше, Петрушка?— спросил Медведев.

— Лучше, барин, я совсем здоров.

На другой день рано поутру, чуть стало солнышко показываться из-за леса, Петрушка, с охотничьей сумкой за плечами, с ружьем в руках, был уже в роще Чурбинского на берегу реки; немного погодя пришла Маша. На ней была белая, шитая шелком рубаха, завязанная красною лентою; косы лежали на голове черным венком и между ними блистали осенние белые астры...

— Хороша твоя невеста?— сказала Маша, подходя к Петрушке.

Петрушка бросился целовать ее.

— Погоди, Петрушка, не целуй меня: станем молиться богу, чтоб он не разлучал нас и в будущей жизни...

Они упали на колени и тихо молились; в речном тростнике пела пеночка... Солнце величественно выходило на небо. Село начинало пробуждаться.

Помолясь, Петрушка подошел к Маше, обнял ее, и уста их слились долгим поцелуем.

— Слышишь,— говорила Маша,— они просыпаются, они придут сюда — и все пропало! Поспешим, моя радость: там нас не разлучат. До свидания!..

Она стала на колени и распахнула рубашку на полной груди своей.

— Смотри же, мой милый, стреляй прямо в сердце, вот оно, вот бьется, стреляй сюда, а как я умру, и сам за мною скорее: без тебя мне будет скучно и минуту... Ах, как весело умереть от твоей руки!..

Петрушка поднял ружье и прицелился.

— Что же ты ждешь? Я душою чую, что идут сюда — и отдадут меня Фомке!..

Выстрел раздался — и Маша упала на траву... "Приходи ко мне скорее..." были последние слова ее... Алая кровь теплым ключом била из ее раны; светлые глаза подернулись смертным туманом.

Петрушка торопливо начал заряжать ружье, а между тем в роще раздавались голоса: "Кто смеет стрелять! Лови, лови, да и в суд, кто б ни был, моею рукою... Барская земля!" — и Потапыч с тремя десятниками бежал к Петрушке.

Вот они уже близко. Петрушка спешит прибить заряд, взводит курок, упирается дулом ружья в грудь и, перегнувшись вперед, спускает курок:

щелк!.. не выстрелило: Петрушка второпях забыл насыпать на полку пороху.

Десятники схватили Петрушку.

— И умереть не дадут!— проворчал Петрушка.— Прощай, Маша! Я сдержу слово: скоро увидимся!..

IX

Был осенний вечер. В гостиной Медведева, по-старому, на круглом столе кипел самовар и горели две свечи в тяжелых подсвечниках; на диване, у стола, Анна Андреевна разливала чай, в кресле сидел Медведев, только не было Трезора, а перед хозяином сидел сосед с большим круглым лицом, да у двери, вместо Петрушки, стоял дюжий черномазый лакей.

— Прескверная погода!— говорил, сморкаясь, сосед.— Давно ли было тепло, и вдруг стало холодно! Кажется, и не пора бы: еще половина сентября!

— Будто очень холодно?— спросила Анна Андреевна.

— Нет, оно не холодно, а дождик идет, такой, знаете, ехидный, так всего и измочит, кажется, и небольшой, а пронзительный.

— Так вы так бы и говорили,— перебил Макар Петрович.

— Нельзя же иначе выразиться, когда хочется с дороги пуншу!

— Ну, то-то! Ох, Евграф Пантелеймонович, все еще неспроста говорите, все смекай его да смекай, куда что сказано! Откуда же вас бог несет?

— Из нашего уездного города.

— Что там новенького?

— Новенького? Гм! особенного ничего. Разве что ваш Петрушка вчера умер.

— Царство ему небесное!— в один голос сказали, перекрестясь, и Медведев и его супруга.

— Да, умер, и, знаете, очень странно; со дня вступления в тюрьму он все худел, таял, как свечка; послали и доктора — не признается: "Я,— говорит,— совершенно здоров", а все чахнет, все день ото дня хуже, да вчера и умер!.. Что ж бы вы думали? Весь хлеб, что ему давали, нашли у него под постелью; ничего не ел и умер с голода!.. Впрочем, тут вы много виноваты: зачем было давать ему читать книги?!! Сам бы не выдумал такой штуки! Прочитал где-нибудь и — баста!..

Медведев молча встал и начал скорыми шагами ходить по комнате.

— А вы зачем ездили в город?— спросила Анна Андреевна.

— Избирать судью на место умершего в прошлом месяце нашего почтеннейшего Цвиринковского.

— И выбрали?

— Общим голосом Юлиана Астафьевича.